

*Краткое учение
о героях и героизме
со стихами и разными
историями,
придуманными на гербаке
моим прадедушкой
и мною,
переписанное на чистовик
для развлечения
и поучения детей
и их родителей
Фжеймсам Крюсам,
украшенное для наглядности
многими рисунками*

ПОНЕДЕЛЬНИК, в который я, хромя, перебираюсь к моему прадедушке. Речь здесь пойдёт о порядке, столь любимом домашними хозяйками, и о творческом беспорядке, столь необходимом поэтам, о том, как даже трусливый Ян Янсен проявил однажды мужество, и о том, что сотня трупов не свидетельствует ещё о героизме, доказательством чему может служить пример некоего рыцаря. А также о том, как могут пригодиться обои, если, размотав рулон, использовать их оборотную сторону. Итак,

Когда мне исполнилось четырнадцать лет, прадедушке моему было уже восемьдесят девять. Но он был ещё крепок и бодр. Летом он каждое утро спускался к причалу и беседовал с рыбаками, возвращавшимися на остров с уловом. А зимой чинил сети и вырезывал поплавки к верёвкам, на которых опускают садки для ловли омаров.

Но вскоре после того дня рождения, когда ему стукнуло восемьдесят девять (было это в октябре), с ним случился удар — так ударяет молния в большое старое дерево. Удар не убил прадедушку — он был ещё достаточно крепок, — но ему пришлось месяца два пролежать в постели. Когда же доктор разрешил ему встать, оказалось, что ноги его не слушаются. И ему купили кресло на колёсах.

Сперва прадедушка проклинал эту дурацкую каталку, но понемногу стал к ней привыкать, а потом она и вовсе ему понравилась. И вскоре он принялся колесить в своём кресле по всей квартире.

Это пришлось совсем не по вкусу моей бабушке, у которой он жил. И тогда она призвала на помощь меня — в качестве «успокоительного средства для этого околеселого деда». Дело в том, что я был, во-первых, любимцем моего прадедушки, а во-вторых, его учеником по части сочинения стихов и рассказов. Кроме того, я как раз незадолго до этого натёр себе пятку, и на ней получился нарыв (и всё из чистого тщеславия: ботинки мне жали, а я молчал). Поэтому я пока не ходил в школу и мог целиком посвятить себя прадедушке.

Бабушка, к которой я перебирался, жила в верхней скалистой части нашего острова Гельгоганда. И потому мы прозвали её Верховной бабушкой (другую бабушку, жившую у подножия скалы, в низинной части острова, мы, разумеется, называли Низинной бабушкой).

Дня за два до моего переселения — дело было зимой, в декабре, — Верховная бабушка пришла к нам и заявила моей матери, что Старый со своим креслом на колёсах перевернул ей весь дом вверх дном. Если так будет продолжаться, придётся развесить по всей квартире дорожные знаки.

— Пошлём-ка к нему Малого, — сказала она. — Пускай их вместе сочинительствуют. Может быть, в доме наступит наконец покой. (Старый был не кто иной, как мой

прадедушка, а Малый — я. Дело в том, что и его, и меня — каждого в своё время — прозвали Малышом. А потом, чтобы отличить друг от друга, стали звать Старый Малыш и Малый Малыш или просто — Старый и Малый.)

Так вот, в одно ясное морозное воскресенье я, хромя из-за нарыва на пятке, приковылял к Старому на Трафальгарштрассе, и он, здороваясь, подмигнул мне:

— Женщины постановили, чтобы мы с тобой опять посочиняли вместе стихи, — сказал он. — Ну как, доставим им такое удовольствие?

— Ещё бы! — ответил я.

— А ты помнишь, Малый, когда мы с тобой занимались этим в последний раз?

— Да ведь мы этим делом часто занимаемся.

— Нет, Малый, я спрашиваю, когда мы с тобой в последний раз всерьёз рифмоплётствовали?

— Четыре года назад, прадедушка. Когда Аннекен и Йоханнекен корью болели.

— А, верно, верно!

Прадедушка поудобнее устроился в кресле на колёсах и обратился к своей дочери — моей Верховной бабушке:

— Протопи-ка завтра с утра обе каморки на чердаке. Тогда мы будем сочинять стихи, а не вертеться тут у тебя под ногами.

— Топить чуланы? — ужаснулась Верховная бабушка. — А ты знаешь, сколько на это угля уйдёт? Ты что думаешь, мы миллионеры?

— Ну что ж, — сказал прадедушка, — тогда придётся нам писать стихи здесь, внизу. Тут хоть тепло.

— Здесь, внизу?! — возмутилась Верховная бабушка. — Ни в коем случае! От этих стихов всё хозяйство летит кувырком. У меня есть кой-какой жизненный опыт! Можете стихоплётствовать в спальне, на втором этаже. Никто вам не помешает.

— В постели хорошо сочиняется, — сказал мой прадедушка. — Но спальни душат любую светлую мысль. Сочинять стихи на втором этаже — это не пойдёт.

— Не пойдёт, — повторил и я.

— Все мужчины одинаковы! — проворчала Верховная бабушка. — Завтра вытоплю чердак.

Для нас, поэтов, это была полная победа. Упоённые ею, мы отправились на второй этаж — спать. Впрочем, на следующее утро — в понедельник — нечего было и думать о переселении на чердак. Верховная бабушка с помощью четырёх соседок превратила великолепный беспорядок, царивший в чуланах, в отчаянно скучный порядок, или, как говорят домашние хозяйки, в уют. Уборка продолжалась до самого обеда. Сперва замелькали веники, тряпки и щётки для натирки пола, потом метёлочки для смахивания пыли, потом на чердак поплыли гардины — метр за метром укладывались

они в сплошные сборки, — и, наконец, вознеслись целые горы подушек.

Мы, поэты, сидели, забившись в угол столовой, в обед без всякого аппетита похлебали наспех приготовленный суп и вздохнули свободно только тогда, когда (около трёх часов) Верховная бабушка наконец объявила:

— Можете перебираться наверх. Кресло на колёсах принесёт дядя Яспер.

Хромая и ковыляя, вскарабкались мы, Старый и Малый, по крутой лестнице на чердак, под самую крышу. Когда дядя Яспер тащил наверх кресло, пришлось и нам приложить немало усилий — оно еле-еле пролезло между перилами. Но в конце концов и этот Пегас* на колёсах оказался на чердаке, и прадедушка тут же объехал на нём наши новые владения.

Чердак изменился до неузнаваемости. Там, где раньше висело бельё и сушилась рыба, на полу лежала слегка выцветшая красная дорожка. Она растянулась от самой двери моей каморки с окном на север до самой двери прадедушкиной каморки с окном на юг.

— Ага, — сказал Старый, — наконец-то поэтов признали. Их путь устлан коврами. Боюсь только, наши комнаты непригодны для поэзии. Придётся уж нам самим навести творческий беспорядок, столь необходимый поэтам.

Прадедушка, как всегда, оказался прав. Обе каморки имели такой вид, словно в них устроили выставку мебели. На столах и комодах лежали вязаные салфеточки, окошки были занавешены гардинами с пышными сборками, заслонившими от нас белый свет, на диванах и креслах громоздились подушки, словно в каком-нибудь гареме, да ещё каждой подушке был

* Пегас — в греческой мифологии волшебный крылатый конь; кто его оседлает, становится поэтом. (Прим. пер.)

придан лёгким шлепком вид ушастого зайца. Только одно свидетельствовало об уважении к поэзии и поэтам — выпуски «Морского календаря», сложенные невыносимо ровненькими стопочками. При виде этакой комнатки могла пропасть всякая охота писать стихи.

— Где торжествуют домашние хозяйки, там гибнут поэты, — вздохнул мой прадедушка. Он приколесил ко мне в своём кресле, подталкивая колёса руками. Гудящая железная печурка уже обогрела комнату.

— Писать мы будем на обоях, Малый, — продолжал прадедушка. — На оборотной стороне. Я только что нашёл тут на чердаке целый склад обоев. В углу, за твоей дверью.

— Да ведь этими обоями Верховная бабушка собиралась оклеить столовую к Рождеству!

— На стене видна только лицевая сторона обоев, Малый. И вообще, должен тебе сказать, в жизни нечасто увидишь оборотную сторону.

Что я мог возразить на такое разумное замечание? Я послушно принёс рулон обоев, запер, осторожности ради, дверь и сказал:

— Ну, можно начинать.

— Вздор! — буркнул прадедушка. И вытащил из заднего кармана своих синих рыбацких штанов два толстых карандаша. — Вздор это — начинать вот так сразу, — повторил он. — Я хочу покурить — это раз. Убери-ка, брат, да поскорее, все подушечки и гардины — это два. А в-третьих, я не умею писать стихи по расписанию. И, в-четвёртых, мне нужна идея.

Долой гардины и подушки! Да здравствует табак и идеи!

Я закинул гардины на карниз, пошвырял все подушки на диван, проковылял по красной дорожке в прадедушкину комнату за трубкой, табаком и зажигалкой, вернулся обратно, запер за собой дверь, улёгся на гору подушек и выпятил нижнюю губу.

Я и теперь, как когда-то мой прадедушка, выпячиваю нижнюю губу, если мне в голову приходит идея. Наоборот, к сожалению, обычно не получается — как ни выпячивай нижнюю губу, идеи в голову не приходят.

Так было и тогда, в каморке на чердаке. Пока прадедушка дымил трубкой, катаясь в своём кресле взад и вперёд по комнате, я лежал на горе подушек, глазел через маленькое окошко на соседние крыши, и в голове у меня не было никакой даже самой плохонькой идейки.

У прадедушки, судя по всему, дела обстояли лучше. Я вдруг увидел, как его нижняя губа стала медленно выпячиваться. Наконец он решительно поджал её и, затянувшись, сказал:

— Есть, Малый!

— Что есть? — растерянно спросил я.

— Идея! Пожалуй, даже хорошая идея. Помнишь, как мы с тобой четыре года назад сочиняли разные забавные стихи и истории?

Я кивнул.

— Ну вот. А теперь, когда мы научились сочинять, давай придумывать всякие истории не просто так, а про серьёзные вещи — про жизнь, про людей.

— А что можно придумать про людей, прадедушка? У всех людей один нос, два глаза, два уха, один рот и четыре прадедушки.

— Но не все люди герои, — сказал мой прадедушка.

— Герои, по-моему, все скучные, — поморщился я. — Не нравятся мне эти подвиги Зигфрида* — как он там всех убивал своим мечом...

* Зигфрид — герой древнегерманского народного эпоса и эпической поэмы XII века «Песнь о Нибелунгах». По преданию, Зигфрид добыл «сокровище Нибелунгов», убив дракона Фафнира. Выкупавшись в крови дракона, Зигфрид стал неуязвимым, а съев его сердце, начал понимать язык зверей. (Прим. пер.)

ΣΥΓΓΡΑΜΜΑΤΑ